

Пролог

Лето, 2023 г.

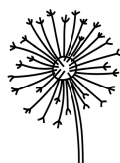
В нарядном, полном гостей зале ЗАГСа царит слегка напряженная атмосфера торжества. Яркий свет хрустальных люстр бьет в глаза. Букет цветов, который я чересчур сильно сжимаю в руках, больно покалывает пальцы. Сердце колотится как бешеное, грозя вот-вот пробить грудную клетку и рухнуть прямо на начищенный до блеска мраморный пол.

Дабы справиться с нервами, делаю глубокий вдох, медленно выпускаю воздух из легких и перевожу взгляд на девушку-регистратора, которая в этот самый момент пламенно декламирует:

— Дорогие невеста и жених, у вас есть то, что ищут миллионы, а обретают лишь избранные. Это любовь. Создание семьи — это начало доброго союза двух любящих сердец. Отныне вы пойдете по жизни рука об руку, вместе переживая радость и печаль. Перед тем, как узаконить ваши отношения, я бы хотела узнать, является ли ваше желание вступить в брак свободным и искренним? Прошу ответить Вас, жених.

— Да, — с легкой хрипотцой в голосе отзывается мой любимый мужчина.

Не удержавшись, снова прилипаю к нему взором, и дыхание непроизвольно обрывается. Господи... Он такой умопомрачительно, сердцеостанавливающе, душе-

раздирающе красивый, что мне хочется биться головой о стену и кричать от восторга.

Все-таки Соколову чертовски идет бабочка. И смокинг тоже очень к лицу. Хотя и скрывает большую часть татуировок, расположение которых я, кажется, знаю наизусть. Не то чтобы я специально запоминала, просто, когда любишь, каждая мелочь в человеке становится архиважной. Будь то нательный рисунок, родинка или шрам родом из детства.

Кстати говоря, все его шрамы мне тоже известны. Мы ведь как-никак вместе их зарабатывали. Тот, что на коленке, остался после побега от разъяренных дачников, в садах которых мы воровали яблоки. На моей ноге красуется почти такой же: дачники были свирепыми и быстрыми, несмотря на пенсионный возраст.

А тот, что на его мочке, — моих рук дело. Забавная история: Артем в очередной раз хотел доказать, что ему не слабо, а я взяла и самолично проколола ему ухо. Обычной медицинской иглой, представляете? Что уж говорить, в детстве мы были совершенно отбитыми.

— Прошу ответить Вас, невеста, — девушка-регистратор продолжает церемонию бракосочетания, возвращая мои мысли, заблудившиеся в прошлом, к реальности.

— Да.

— Если вам есть, что сказать друг другу, прошу, скажите это прямо сейчас, — улыбается сотрудница ЗАГСа.

Вот и настало время для брачных клятв.

— Аделина, мы с тобой знакомы не так давно, но за это время ты успела стать для меня по-настоящему близким человеком, и я... — речь Артема вдруг резко обрывается, а он сам застывает в неподвижности с пораженно распахнутым ртом.

Ну вот. Только что случилось то, чего я так жаждала и одновременно так боялась.

Он заметил меня.

Меня, скромно стоящую в толпе гостей и польхающую всеми оттенками красного. По ощущениям, горят не

только мои щеки, но даже шея и плечи. Я будто огромный огненный шар. Еще секунда — и взорвусь.

— Дорогой, что случилось? — Пытаюсь привлечь внимание жениха, Аделина дергает плечом и нервно посмеивается.

Но он по-прежнему смотрит на меня. А я — на него. Мы оба погибаем в вихре нахлынувших воспоминаний недавнего прошлого: его руки на моем теле, его губы — на моих губах...

— Эм... Прости. — Соколов мотает головой, будто стяхивая оцепенение, а затем наконец переводит глаза на невесту. — Что я говорил?

— Что я твой близкий человек, — натужно улыбаясь, напоминает она.

— Ах, да... Так вот, как только я тебя увидел, сразу подумал о том, что ты самая... — Парень снова прерывается. На секунду прикрыв веки, морщится, словно от зубной боли, а затем глухо выругивается: — Черт!

Его взгляд, в котором изумление перемешалось со злостью, снова дергается ко мне.

Несколько раз моргаю и, кое-как взяв себя в руки, поднимаю уголки губ. Это улыбка-вызов. Улыбка-мольба. А если не сложится — улыбка-прощание. На этот раз — навсегда.

Выразительные, ярко-голубые глаза Артема по-прежнему прикованы к моим, а на лице застыло выражение шока, который, судя по шепоткам и раздраженной возне гостей, замечен не только мне.

Ну что с ним? Отчего так удивляется? Ведь сам же вручил мне приглашение. Я, конечно, сказала, что не приеду, но планы поменялись. Точнее даже не планы, а мои внутренние мотивы. Я устала быть трусихой и решила рискнуть.

Ты ведь сам говорил, если нельзя, но очень хочется, то можно. Помнишь такое, Тема?

И вот я здесь. Приехала. Видишь, мне не слабо. А тебе?

Глава 1

Лето, 2012 г.

— А-а-а! — вопит Артем, в ужасе расширяя глаза.

— А-а-а! — вслед за ним верещу я, потрясенно глядя на сочащуюся из его уха кровь.

Вот черт! В Интернете писали, что крови быть вообще не должно! А у Темы ее прямо-таки много: стекает по моим пальцам и капает на кафель. Я что-то не так сделала? Не туда ткнула? Господи... Тетя Алина и дядя Макар меня убьют! Я изувечила их сына!

— Ты проколола? Проколола или нет?! — орет взволнованный мальчишка.

— Да! Да! — усиленно киваю я. — Но...

— Так вставляй серьгу, малая! Скорее вставляй! — решительно подгоняет он, хотя в его взгляде тоже плещется неподдельный страх.

Дрожащими пальцами подхватываю гвоздик, лежащий на стиральной машинке, и подношу его к многотрадной мочке друга. Однако из-за отека и крови я в упор не вижу место прокола и понятия не имею, куда метить.

— Артем, ты истекаешь кровью! — восклицаю испуганно. — Я, видимо, облажалась! Поехали в больницу?

— Нет! — жестко обрубает Соколов. — Промой рану этой фигней, — он хватает баночку хлоргексидина и вручает ее мне, — и вставляй!

Испускаю горестный вздох, быстро смачиваю ватный диск антисептиком и протираю им краснющее ухо Артема. Друг нервно жует нижнюю губу, но при этом сидит смирно. Почти не рыпается и не издает ни звука. Все-таки выдержка у него — железо. Я бы на его месте уже давно в обморок рухнула.

С третьей попытки мне удается просунуть простой черный гвоздик в нужное место и зафиксировать его металлической заглушкой. Чуть отодвинувшись, оцениваю результаты своего труда и с облегчением подмечаю, что кровь у Артема больше не идет. Однако ухо в целом

выглядит, прямо скажем, неважно. Будто его кипятком обварили. Аж побагровело все.

— Готово, оценивай, — выдыхаю я, тыльной стороной ладони утирая взмокший лоб.

Коротко кивнув, Соколов поднимается на ноги и подступает к зеркалу. Несколько секунд друг заворуженно пялится на свое отражение, а затем его губы растягиваются в озорной, дерзкой ухмылке.

— Огонь, малая! Справилась на десятку, — довольно выдает он. — Давай пять!

Шлепаю его по раскрытой ладони и тоже позволяю себе улыбнуться. Хотя, если честно, от пережитого шока поджилки до сих пор трясутся. Все-таки понервничала я знатно. Больше никогда не буду участвовать в Теминых безумных авантюрах! А то придется встречать собственное четырнадцатилетие с седыми волосами на голове!

— Если надумаешь проколоть язык, я тебе не помощник, — ворчу я, оттирая плитку от алых капель.

— Нет, сам не надумаю. — Он весело мне подмигивает. — Только если на спор.

Мой друг просто помешан на идиотской игре «на слабо», в которую постоянно меня втягивает! И самое дурацкое, что я не особо-то и сопротивляюсь. Нет, ломаюсь поначалу, конечно. Но больше для вида. А в итоге соглашаюсь. Каждый раз, без исключений.

Не знаю, то ли это я такая бесхребетная, то ли Тема слишком убедительный, но я никогда не могу ему отказать. Все время ведусь на его подначки и провокации. Откуда у меня, по-вашему, огромный лиловый синяк на локте? Это я под покровом ночи угоняла велик у нашей соседки Юли. А потом на радостях, что шалость удалась, с него же и брякнулась.

Вы не подумайте, мы с Темой не какие-то там юные преступники: не раз по-хорошему просили Юлю дать покататься на ее новом ультрасовременном велике, который, по сравнению с нашими, простенькими, выглядел как настоящее чудо техники. Даже любимыми конфетами с карамельной нугой пробовали ее подкупить.

Как от сердца отрывали, между прочим! А она, знаете что? Нет, и точка.

Юля старше нас на четыре года, ей уже семнадцать, вот она и возгордилась. Взрослая стала, понимаете ли. Деловая. С малышкой, как она нас пренебрежительно называет, общаться не хочет. И даже несчастный велик зажала! Натуральная стерва!

Помнится, когда Юля в очередной раз нас отшила, Тема сдвинул брови к переносице и заявил, что такую жадину нужно непременно наказать. Я, разумеется, сразу поддакнула. Не потому, что считала так же, а потому, что я в принципе все время ему поддакиваю. Дурная привычка, кстати. Надо бы от нее избавляться...

Ну так вот, Тема сказал, что Юльку надо проучить, а потом спросил, слабо ли мне стырить у нее велик. Само собой, мне было дико страшно, но признаться в этом лучшему другу — да я бы лучше удавилась.

В общем, дождалась я наступления сумерек и пошла на дело. Сквозь узенькую дырку в заборе, в которую пролезало только мое худосочное тело, я проникла на Юлькин участок, отперла изнутри ворота и храбро выкатила велик к поджидающим меня снаружи товарищам.

Счастья у нас тогда были полные штаны. Мы колесили по поселку несколько упоительных часов, пока родаки Петьки, нашего верного приятеля, его не хватились. Они подняли на уши чуть ли не всю округу, и нам пришлось спешно возвращать угнанный велосипед на место. Ну, чтобы наши сомнительные с моральной точки зрения подвиги не стали достоянием общественности.

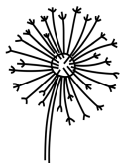

Тогда-то, спеша и нервничая, я и расшибла локоть. А потом еще вся ободралась, пока обратно пролезала через Юлькин забор. Короче, следы того безумства до сих пор заживают.

— Кстати, я в твоих спорах больше участвую! — заявляю я, задрав подбородок.

— Да брось, ты всегда так говоришь. — По-прежнему широко улыбаясь, Артем взлохмачивает мне челку. — А на

деле что? Как какой-нибудь кипиш, ты в первых рядах! Хватит корчить из себя пай-девочку, Васек.

Да-да, вы не ослышались, меня правда так зовут. Мама мечтала дать дочери какое-нибудь красивое необычное имя и, видимо, начитавшись сказок, остановила свой выбор на Василисе. Только родительница не учла один момент: людям лень произносить имя, которое состоит аж из четырех слогов. Поэтому окружающие величают меня просто Васей. Даже она сама.

— Тук-тук! Дети, с вами все в порядке? — снаружи раздается обеспокоенный голос дяди Макара, Темкиного отца. — Вы уже полчаса сидите в ванной.

Мы с другом заговорщически переглядываемся, и между нами происходит очередной безмолвный диалог:

— Ну, ни пуха ни пера, малая!

— К черту!

Мысленно желаем друг другу удачи и запасаемся терпением, ведь предки, несомненно, заметят его проколотое ухо и устроят жуткий скандал. Но делать нечего: назад дороги нет.

Глава 2

— И чем это вы там занимались? — окидывая нас подозрительным взглядом, интересуется дядя Макар.

Округляю глаза, изображая святую невинность, и в задумчивости приподнимаю плечи, ибо вразумительный ответ никак не приходит в мою пустую голову.

— Мыльный раствор готовили. Для пузырей, — тут же находится Артем, стоящий за моей спиной.

Оглядываюсь на друга и замечаю, что он усиленно выворачивает голову в сторону, стремясь продемонстрировать отцу исключительно здоровое ухо.

— Понятно, — тянет дядя Макар, по-прежнему глядя на нас с явным недоверием. — А что у тебя с шеей, сын? Заклинило?

— Угу, продул, наверное, — отзывается Тема.

И я, не удержавшись, прыскаю в кулак.

Вечно у меня так: в критических ситуациях ста-
бильно пробивает на ха-ха. Зачем? Почему? Непонятно.
Нервишки, видать, шалят.

— Что смешного, Вася? — тут же настораживается
мужчина.

Вот черт! Кажется, я опять все запорола своими иди-
отскими смешками! На этот раз Тема меня точно убьет!

— Да ничего, просто анекдот вспомнила, — отчаянно
пытаюсь спасти положение дел.

— Продул, говоришь? — внимание дяди Макара вновь
обращается к сыну. — А ну-ка повернись!

— Не могу, — мальчишка предусмотрительно отсту-
пает на шаг. — Совсем не двигается. Пойду лучше намажу
чем-нибудь.

Он устремляется к стене, очевидно, намереваясь вдоль
нее проползти в свою комнату, но, к несчастью, дядя
Макар его опережает. Быстро подлетает к сыну и, схватив
его за белокурые патлы, поворачивает голову силой.

— Твою ж... дивизию, — ошарашенно выдыхает муж-
чина, увидев Темкину пылающую мочку. — Это что еще
такое?

— Отпусти! — мальчишка вырывается из отцовского
захвата. — Ну подумаешь, ухо проколол! Че в этом такого?

Знаете, меня всегда поражало, как Артем разговари-
вает с предками — дерзко и уверенно, будто он с ними на
равных. И это при том, что его родители гораздо более
строгие, чем мои. Если честно, у меня от одного только
взгляда на сведенные брови дяди Макара душа в пятки
уходит, а Тема еще и огрызаться умудряется. Совсем
бесстрашный!

— Че такого?! — взвивается мужчина. — У меня сын,
как баба, серьги носит!

— Почему сразу как баба? — возмущается мой друг. —
Сейчас так модно вообще-то!

— У кого так модно?! У лиц нетрадиционной ори-
ентации?

— Па! — Артем закатывает глаза. — Ну что за мрако-
бесие?

— Алина! Алин! — его отец повышает голос. — Иди полlobуйся, что твой сын вытворляет!

Забавно: когда Тема притаскивает пятерки из школы или побеждает в очередном спортивном соревновании, дядя Макар называет его «мой сын», но стоит мальчишке провиниться или выкинуть какую-нибудь шалость, как мужчина в разговорах с женой тут же меняет слово «мой» на «твой».

— Что случилось? — в дверях показывается запыхавшаяся тетя Алина с кухонным полотенцем в руках.

— Артем сделал пирсинг, — с угрюмым видом констатирует ее супруг.

— Господи! Где?

— Так и подмывает ответить в рифму, — кисло шутит мужчина.

— Макар! — она выпучивает глаза. — Ну не при детях!

— Эти дети... — Он бросает на нас гневный взгляд через плечо. — Эх, так бы и дал по шее!

Он легонько замахивается на Артема, но тот как ни в чем не бывало продолжает давить обворожительную улыбу, которая на этот раз адресована матери, взволнованно бегающей по нему глазами.

— Ну иди сюда, паршивец, дай хоть посмотрю на твой пирсинг, — устало вздохнув, тетя Алина манит сына пальцем.

— Только не трогай, — предупреждает мальчишка.

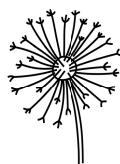
— Не трогаю, не трогаю, — ворчит она, рассматривая плоды моих стараний. — Иглу хоть простерилизовали?

— Да, на огне, — подаю голос я, внимательно наблюдая за ее реакцией.

Тетя Алина — врач. Пускай невролог, но все же. Если с Артеминым ухом будет твориться что-то совсем уж неладное, она, наверное, заметит.

— Ладно, — женщина вздыхает. — Надеюсь, второе ухо прокалывать не планируешь?

— Пока нет, — пожимает плечами Артем. — А дальше — кто знает.

Его родаки быстро переглядываются. Ох, нарвется он однажды на ремень! Сдадут у дяди Макара нервы, попомните мое слово!

— Теть Алин, — переключая внимание раздраженных взрослых на себя. — Я когда прокол сделала, так крови много было... Как думаете, это нормально?

— Сосуд, наверное, задела, — предполагает она. — По-наблюдаем за ухом. Посмотрим, как заживает.

Темина мама всегда такая: мудрая и понимающая. Нет, в порыве гнева она, конечно, на сына и прикрикнуть может, и тапком запульнуть. Но это, когда он уж совсем палку перегибает. А в целом, тетя Алина — замечательная женщина. Я ее почти как свою маму люблю. Недаром они лучшие подруги. Даже сестрами себя в шутку называют.

Наши семьи вообще дружат с незапамятных времен. Отцы познакомились еще в институтские годы: учились в одном ВУЗе. А спустя несколько лет выяснилось, что бывшие однокурсники стали соседями: семья Соколовых переехала в наш дом. Тетя Алина и моя мама, следуя примеру мужей, сразу нашли между собой общий язык и подружились.

С тех пор мы с Темой растем, что называется, бок о бок. Учимся в одной школе, тусуемся в одной компании и каждый Новый год празднуем за одним столом. Мы не просто лучшие друзья, мы — сообщники. Всегда и во всем. Я люблю Тему как брата, которого у меня никогда не было, и мечтаю, что через много-много лет мы, так же, как и наши родители, будем отмечать праздники в кругу семей. Шумно, весело, душевно.

— Ну что, молодежь, пора собираться в город, — говорит дядя Макар, вытаскивая в коридор сумки. — А то на выезде скоро пробки начнутся.

Ах да, чуть не забыла: у нас с Соколовыми и дачи в одном поселке находятся. Поэтому мы с Темой часто выбираемся за город то с его предками, то с моими. Загораем, плещемся в вечно цветущей речке, играем с местными ребятами в волейбол, а ближе к ночи втихаря сбегает из дома и вытворяем такое, о чем взрослым лучше не знать. Короче говоря, веселимся на полную катушку.

Правда, иногда родаки заставляют нас поливать огурцы и полоть картошку, но мы относимся к этой трудовой повинности с поистине философским терпением. Сами посудите, уж лучше два часа проторчать в огороде попой кверху, а потом с чистой совестью наслаждаться заслуженным отдыхом, чем все выходные изнывать от жары в душных каменных джунглях. У нас в городе ведь даже пляжа приличного нет!

— Домой? Так скоро? — лицо Артема грустно вытягивается. — Может, хоть на денечек задержимся? А, пап?

Я знаю, почему он расстроился. Хочет побыстрее продемонстрировать округе проколотое ухо и насладиться маленьким триумфом. Ведь он в очередной раз доказал, что ему не слабо. Но если мы сейчас уедем, Теме придется отложить хвастовство своей безбашенностью до следующих выходных. А для моего неутомного друга это очень-очень долго.

— Сын, ты же знаешь, нам с мамой на работу завтра, — отмахивается дядя Макар. — Иди давай, вещи собирай.

— Ща, я только по-быстрому на улицу сгоняю, — не теряет надежды мальчишка.

— Я сказал, собирай вещи, — чуть ли не по слогам зловеще цедит мужчина, всем своим видом давая понять, что выходка с пирсингом все еще не забыта. А затем переводит строгий взгляд на меня. — Тебя, Вася, это тоже касается.

— Конечно, — пишу я, смиренно опуская глаза в пол.

А затем хватаю за руку недовольно пыхтящего друга и утягиваю его в комнату. Хватит с нас проделок. Пора становиться примерными детьми. Хотя бы на остаток сегодняшнего дня.

Глава 3

— Господи, что с этими огурцами-то делать? — растерянно выдает тетя Алина, оглядывая многочисленные заполненные доверху пакеты.

В этом году урожай и впрямь выдался знатным. Огурцов у Соколовых не просто много, а прямо-таки неприлично много. Ими забит почти весь багажник их довольно вместительного седана.

— Свари из них варенье, ма, — лениво бросает Артем, гоняя во рту мятную жвачку.

— Варенье? Из огурцов? — женщина недоверчиво приподнимает бровь. — Из них вроде не делают...

— А ты стань первой, — посмеивается мальчишка. — Рискни! Создай свой собственный рецепт! Будь дерзкой, как бабки в автобусах!

В чем в чем, а в деле подначивания на всякие безумные поступки Артему нет равных. Захочет — даже корову сплясать канкан уговорит. Так что я не удивлюсь, если на следующей неделе мы действительно будем пить чай вприкуску с огуречным вареньем.

— Ой, болтаешь, а! — тетя Алина отмахивается от сына, как от назойливой мухи. — Залезайте в машину уже.

Мы забираемся на заднее сиденье и пристегиваем ремни безопасности. Машина плавно трогается, и за окном сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее плывут летние пейзажи. Стройные ряды дачных домишек сменяются бескрайними полями, а солнце, еще совсем недавно торчащее в зените, неумолимо кренился к горизонту.

— Слушай, Тем. — Поворачиваюсь к другу и впе-ряюсь в него хитрым взглядом. — А слабо продать все эти огурцы?

— Чего? — Он по-прежнему неспешно чавкает жвачкой, но в голубых глазах загорается огонек заинтересованности.

— Разрекламировать их так, чтобы люди захотели купить, — полет моей фантазии продолжается. — Слабо или нет?

Несколько секунд Соколов раздумывает над моими словами, а затем равнодушно выдает:

— Не слабо. Но я не вижу резона это делать, малая. Торговлей огурцами никого не удивишь.

— Возможно, — соглашаюсь я. — Но зато здесь есть другая плюшка.

Многозначительно играю бровями в надежде, что друг сам допрет до ключевого смысла моей идеи, но в его взгляде не читается ничего, кроме скуки. Должно быть, из-за жары ему совершенно лень думать.

— Ну и какая? — спрашивает без энтузиазма.

— Кэш, балбес! — восклицаю я. — Раз предки отказываются давать нам деньги на Масс Эффект три¹, мы можем сами их заработать!

— А что? Это мысль, — восторженно кивает Артем. — А где продавать будем?

— Можно на том рыночке у Дома культуры. Или прямо на остановке. Там всегда полно народу, — размышляю вслух. — Только там и знакомых можно встретить...

— Да и пофиг! — воодушевленно перебивает он. — Ты же знаешь, мне плевать на общественное мнение!

Эх, хотела бы я сказать то же самое, но, увы, не могу. Стоит мне только представить, что мой любимый Коленька Иванов, по которому я вздыхаю уже второй год подряд, проходит мимо нашей импровизированной овощной палатки, как нутро тут же наливается жгучим стыдом. Я хочу, чтобы он думал обо мне как о неземной принцессе, а не как об уличной торгашке.

— Давай все же на рыночек пойдём, — настаиваю я. — Там все-таки аудитория более покупающая.

Про опасения насчет Коленьки другу я, само собой, не говорю. Он и так вечно меня троллит по поводу моей безответной влюбленности. Дескать, а что здесь такого? Подойти да позови своего Иванова на прогулку, он не откажет. Ага, как же... А если все-таки откажет? Что я тогда делать-то буду? Умру на месте, не иначе. Нет, для таких подвигов я еще не созрела. Угон Юлькиного велика и пожирание лимона прямо с цедрой — пока мой предел.

— Ладно, как скажешь, — пожимает плечами Тема. — Но давай сразу договоримся: даже если встретим кого-то из знакомых, на попятную не пойдём. По рукам?

¹ Mass Effect 3 — компьютерная игра.

